

Образ Макария Великого и видимый символ, растворенный во свете

Уже ли это изображение – есть изведение в образ, из-явление Первообраза в видимый мир... собственно из-ображение не из-образимого, про-явление в образе предельного человеческого существования, в некотором смысле – актуализирование, визуализация, зрительное пред-ставление человеку, уверительное пре-подание - цели человеческой жизни, её осмысленного и достигнутого увенчания. «Стяжите Дух мирен» - заповедовал преподобный Серафим... «Царствие Божие внутри вас – есть» (Лук. 17:20-21)... И мы – дозволили в этой цитате выявительный дефис – как зрительное подчёркивание, артикулирование смысла: бытийствования истинного Царствия не от мира, внутри человека, сущего в мире сем. В стяжании Духа Мирна – не от мира - венец Божиего Царствия в нас, смысл существования и назначения личного бытия человека... увенчание, о-священие - иситинный, - единственный по существу - смысл. В образе святого Макария человеческое бытие пре-одолевает ограниченность самим собой, ограниченность и даже о-формленность, о-бременённость тварностью, временностью, преодолевает отягчённость само-бытностью – пре-восходя её отнюдь не в некоем нигилизме, само-устранении, самоуничижении, растворении в не-бытии... но обретает возможную полноту в со-единённости с Пре-ображающим. В образе Макария перед нами изображено человеческое бытие, преодолевшее ограниченность огреховленной тварностью, своею видимой и падшей человеческой природой. Человек о-Боженный, вос-соединённый с вне-образным непознаваемым Богом, человек благодатно – посещённый и познанный Богом... человек – познавший, уведавший Бога в собирательном ката- и апо- фатическом пре- пере-ображённом состоянии – в пред-стоянии Богу, в пре-бывании перед Богом, с Богом и в Боге. Таков – святой во свете Макарий. Не нам помышлять об этом доподлинно, не нам, стеснённым грехами, устремиться теперь - к опытному познанию пре-поднесённого нам в образе... Но – видим и – пре-исполняясь видимым – усиливаемся выговорить себя... свои смутные ощущения, уверения видимым.

Перед нами – образ человека о-Боженного, стяжавшего возможно вместимую человеческим естеством благодать дара Духа Святаго – изображён, как почти совершенно растворённый во свете и не имеющий уже внятного человеческого обличия... явственного и конечного о-чертания личности. Усмотрим ли в том некое от-чаяние, некий пессимизм перед жизнью живой и видимой... некий анти-гуманизм, некую человеко-фобию что-ли... едва ли. Усмотрим ли некое по-следствие монофизитского духовного экстремизма, некую экспрессивную фантазийную крайность, предь-явленную в изображении... - не будем помышлять так, - тем более, что автором живописи это изображение утаено, несколько сокрыто от наших глаз, от нашего молящегося сердца и помещено позади нас, за нашими спинами. Из-за наших спин – льётся к Троице образ света невечернего во свете естественном. Из-за наших спин – в ообразном свете – предстоит Троице человеческое естество в своей Богоданной, благодатной, стяжанной о-Боженности, уверяя нас тем, что это возможно, уверяя нас в реальности мира духовного и в достижимости плодов дара Духа Святаго. И нам не взглянуть в упор, пристально раскрыв глаза в этот образ, подобный искреннему нестерпимо сиятельному свету... свету Преображения, пред которым должно повергнуться ниц... Как знать... быть может, это изображение эта фигура – есть некая наивысшая смысловая точка всего образного пространства храма, и предь-явленная нам и утаённая от нас одновременно, не произ-сящая смысл «прямо в глаза» нам, но сокрывающая

себя, присутствуя внятно – позади наших очей, за-очно... Высшая точка – высший и достижимый по благодатствованному человечеству – образец нашего деятельного, делательного пред Господом и о Господе – бытия, – изображена так. К о-сознанию ли этот образ, к подражанию ли, ко при-ражению им... к во-ображению ли таковая пред нами... над нами – высота... Словно бы апостолы на Фаворе – отвращаем взоры от нестерпимого света... от образа пре-ображения в человеке святом... и пред-стоим в сонмище гостеприимцев с Авраамом и Саррой... жаждущие и ждущие – возгреваемся жаждой – и предстоим. Высшее про-движение в подвижничестве... возможно ли, дерзновение о высшем, о вос-шествии далее – уже из области соблазнённости первотварных ангелов, из области первородного грехопадения – «будете яко боги». Да не помыслим о том, – даже и пре-ображённый святой Макарий – таинственно – удалён от наших соблазняющихся и соблазняющих со-зерцающих зенниц, от света очей наших, в которых не есть ли тьма... Но присутствует в едином с нами символическом, пространственно-иконном пространстве этот образ, – со-присутствуем с ним и мы... со-присутствуем с из-ображением не только лишь столпнического воз-растания и про-цветания перед Господом, но и с образом самого вкушения, вос-приятя и усвоения наивысшего плода, – Христа в пре-ображённом человеческом естестве.

Образ у-веряет собою и вне нашего пристального рассматривания, всматривания, во-ображения – а по-видимому, в нём и нечего рас-сматривать: облак таинственный, рассеивающий во свете всяческие предметы рассмотрения, всяческие о-чертания, – уверяет нас он, от-странённый от прямого любо-пытствующего взирания, – уверяет в реальности достижимости о-Божения человеческого естества, «боги по благодати» – сколь невместимо само изречение это для нас, нынешних... но вне этой полноты – мельчает, иссыхает, изничтожается наше христианство, само-оскопляющее себя от Христа – Истины. Полнота о-Божения и в образе – предъ-явлена нам, совершенно не сокрыта... и деликатно – утаена от молитвенного рассмотрения – на западную стену исихастерия, – во глубину исихии, далее от наших любо-пытствующих очей, скользящих по поверхности видимого. Справа от нас, о-знаменованных Благовещением, – предстоящие святые в пределе воз-вышенного столпнического делания... слева – со-служащие с нами – отцы в поклонении Жертве и символические про-явления мандорл, разверстых образами святости... и позади нас – удалённый от нашего зрительного дерзновения образ святого Макария просиявшего. Не удалена Троица в Гостеприимстве – и удалена от нашего созерцания, от нашего услаждения и соблазнительного само-помышления – человеческая плоть, растворённая во свете, в благо-датном про-явлении чрез-мерной, превыше-мерной Божественной любви. Не совершенно удалён образ из видимого нами пространства... отвернёшься от ангелов Троицы – и свет Преображения в человеке – перед нами. Но возможно ли без прекращения молитвы это отвращение, это прекращение неиссякающей жажды приятя Гостей...

Нет, не является совершенно безвидным, без-образным, лишь по-мышляемым только – плод духовного стяжания, - плод во-образим, пред-ставляем – и предъ-явлен нам... но – утаён в этой предъявленности, несколько устранён в этом крохотном пространстве, человеколюбиво и бережно - размещён позади нас... - отвернёмся от него, словно бы обжегшись, - и вольёмся же... возвратим же себя в сонм гостеприимцев. Позади нас – из около-облачного состояния, - сгущающегося ли света... рас-точающейся ли, истончающейся ли во свете плоти – про-явлены ладони святого Макария, его лик с прикровенными очами, устремлёнными уже совсем не вовне себя, но внутрь – в глубь Божественной сердечной тишины, в сердцевину Царствия Божиего... Взор святого – созерцает сердце, принявшее Спасителя – Христа. Святость и Христос – отражают друг-друга, со-бытийствуют в Истине и Любви. Нимб святого – незыблемо внятны символ, символ осязаемый, доступный восприятию - чуть ни единственный в этом образе. Волосы бороды, формы фигуры – растворяются во свете, смешиваются со светом, со свето-носным символом светлого фона стены. Свето-ностность, о-Божение, со-влечение видимого человеческого естества в святости, - словно бы кожи греховного внешнего человека... и внутри, под кожей совлечённой – свет Христова Преображения. Облачение Христа преобразившего-Ся перед человеками... преобразившего Собою человеческое естество. О-Боженная человеческая полнота – слитна и нераздельна со светом. Здесь – образный плод аскетизма, деятельного устремления в молитвенном монашеском и обще-человеческом о Христе – делании, - плод, из-образённый средствами живо-писания и предъ-явленный нам. Живой плод – из-образён так и удалён, от-странён от того, чтобы мы могли видеть его и держать прямо перед глазами в молитве – успокоившись или об-манувшись... или – удовольствовавшись, удовлетворившись этим видением. Нет же, наш личный плод – не есть предмет внешнего созерцания, но результат нашего со-действия с Богом... будет ли он столь же высок, пронзителен, светоносен... - мы разумеем лишь о возможности его, о достижимости, предъ-явленной, как образец нам. И благословляющие, осязаемые, видимые ладони святого – напутствие – нашему деланию – внятная реальность, про-явленная из

облака света. Мы – можем – внять и внятно - получить свидетельство о возможном именно в нас пре-ображении - перед образом уже без-телесным. Далее – плоды уже рук – наших, нашего личного хождения пред Богом и Божиего про-мышления, взирания на нас по мере дел наших и по без-мерности милости Господней...

Из-ображаема Святая Троица – во внятных, воспринимаемых очертаниях... воспринимаемы святые, из-ображённые столь же внятно и при-емлемо нами, как понятна и внятно нам традиционная икона... Но здесь же, - образ предельно тонкого сочетания человеческого существа с миром не видимым, духовным, не постижимым в полноте своей и не от-ображаемым. Здесь – сочетание из-ображаемого и неизобразимого в лёгком перевесе в сторону неизобразимости, вне-телесности... Здесь даже некое противоречие образа с самой иконностью, с идеей постижимости Бога через Его образ. Гимн неизобразимости – не переходящий в иконоборчество, но утаённый от нашего прямого взирания. Таков – мастер Феофан, таково его духовное и творческое дерзновение, его художественное своеволие внутри живого канона. Изображаема Троица. Много-образен – образ Самого Христа. И уже не изобразим о-Боженный, обожжённый, опалённый преобразованием – человек, во Христа облекшийся, облачённый Христом. Во свете Христовом – пребывающий. Во свете Его – узрим свет и пре-будем во свете. Вот таков – венец преобразования в о-Боженности человеков, - распознаём его в образе святого Макария – столпа светоносного и благодатного, просиявшего со Христом... и во Христе.